Глава 3. Подмастерье

Филадельфия и Лондон, 1723–1726

Типография Кеймера

Молодым подмастерьем Франклин прочитал книгу, прославляющую вегетарианство. Он решил соблюдать эту диету, но не столько из соображений морали и здорового питания, сколько из-за финансового положения: такой рацион позволял ему откладывать для покупки книг половину суммы, которую брат выделял на еду. В то время как сотрудники разбредались, чтобы где-нибудь от души поесть, Франклин довольствовался пресными лепешками и горстью изюма. Он использовал обеденное время для обучения, «в котором делал еще бóльшие успехи благодаря удивительной ясности ума и обостренному восприятию, которые бывают при умеренности в еде и питье»[1].

По сути, Франклин был очень рассудительным юношей. Он мыслил настолько рационально, что мог обосновать все что угодно. По пути из Бостона в Нью-Йорк, когда из-за штиля судно остановилось у Блок-Айленда, моряки поймали и приготовили треску. Поначалу Франклин отказывался от еды, но передумал, когда запах, доносившийся со сковородки, стал откровенно заманчивым. Позже с шутливой задумчивостью он опишет этот случай так:

> Насколько я помню, какое-то время мои принципы и желания сражались на равных, однако только до того момента, пока не разделали рыбин. Тогда я увидел внутри их желудков более мелких рыбешек. «Так, — подумал я, — если вы едите друг друга, то я не вижу причин, почему мы не можем есть вас». Стало быть, я плотно поужинал треской и с тех пор продолжаю питаться подобно другим людям, лишь изредка возвращаясь к овощной диете.

Отсюда он извлек ироничный и, возможно, даже несколько циничный урок, который был сведен к следующему утверждению: «Чрезвычайно удобно быть рассудительным, ведь это дает возможность найти или выдумать объяснение любому поступку»[2].

Рациональность Франклина сделала его образцом человека эпохи Просвещения, века разума, расцветшего в Европе и Америке в XVIII веке. Его мало интересовал религиозный жар эпохи, в которую он был рожден, так же как и возвышенные настроения романтизма, зародившегося ближе к концу его жизни. Подобно Вольтеру, он мог подтрунивать над усилиями — как своими, так и человечества в целом, — совершенными в те моменты, когда люди перестают руководствоваться разумом. Повторяющаяся тема в его автобиографии, так же как и в рассказах и альманахе, — это удивительная способность человека логически обосновывать свои поступки.

В возрасте семнадцати лет Франклин отличался удивительным сложением: мускулистый юноша с широкой грудью и открытым честным лицом, ростом почти в шесть футов (метр восемьдесят сантиметров). У него был талант ладить с кем угодно, будь то задиристые лавочники или состоятельные коммерсанты, грамотеи или жулики.

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

Он отличался удивительным обаянием, словно притягивал к себе людей, желающих ему помочь. Он никогда не был робким, всегда стремился заводить новых друзей и покровителей, зная, как правильно применять обаяние.

Так, к примеру, во время побега он познакомился с единственным печатником Нью-Йорка, Уильямом Брэдфордом. Тот публиковал передовые статьи того же направления, что и Джеймс Франклин, — против «угнетателей и тиранов». У Брэдфорда не было работы для Франклина, но он предложил юному беглецу держать путь в Филадельфию и попробовать устроиться на работу к его сыну Эндрю Брэдфорду, который руководил семейной типографией и выпускал еженедельную газету.

Спустя десять дней после отплытия из Бостона судно Франклина причалило к пристани, примыкающей к одной из главных улиц Филадельфии под названием Маркет-стрит. Его сбережения составляли всего лишь один доллар и около шиллинга медными монетами. Последнее он отдал за проезд. Перевозчики попытались отказаться от платы, ведь Франклин помогал им грести, но тот настоял. Позже он отдал две из трех купленных им пышных булочек женщине с ребенком, встреченным на пути. В будущем он напишет: «Человек иногда более щедр, когда у него мало денег, чем когда много; может быть, чтобы не подумали, будто их нет совсем»[3].

С первых минут пребывания в Филадельфии Франклин всерьез озаботился своим внешним видом. Американские индивидуалисты иногда хвастаются способностью не беспокоиться о мнении со стороны. Франклин же, как правило, напротив, пекся о своей репутации, стараясь всегда держаться достойно, при этом прислушиваясь к окружающим, — потому-то и стал первым бесспорным экспертом по международным отношениям в стране. Спустя некоторое время он напишет следующее: «Я старался быть не только *по-настоящему* трудолюбивым и бережливым, но и избегать любого *внешнего проявления* противоположных черт характера» (акценты расставлены им самим). По словам критика Джонатана Ярдли, «это был самодостаточный и своенравный человек, двигавшийся по заранее просчитанному жизненному маршруту к четко намеченным целям». Особенно точно это характеризовало Франклина в ранние годы, в бытность молодым коммерсантом[4].

Филадельфия с ее двумя тысячами жителей была вторым по размеру городом после Бостона. В свое время Уильям Пенн нарисовал ее в своем воображении как «зеленый провинциальный городок» с хорошо продуманным расположением широких улиц, вдоль которых возвышаются кирпичные дома. Помимо первых квакеров*, поселившихся там за пятьдесят лет до описанных событий, место, названное «городом братской любви», привлекло к себе шумных и предприимчивых немцев, шотландцев и ирландцев. Они-то и превратили его в оживленный торговый центр со множеством магазинов и таверн. Хотя экономика быстро развивалась, улицы оставались грязными, царило категорическое бездорожье. Атмосфера, созданная квакерами и более поздними иммигрантами, импонировала Франклину. Эти люди зачастую были старательными, скромными, дружелюбными и терпимыми, особенно по сравнению с пуританами Бостона.

* Квакеры — представители квакерства, последователи одного из пуританских течений, придерживающиеся принципов гуманизма и ненасилия. *Прим. ред.*

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

В первое же утро после прибытия, передохнув и приодевшись, Франклин нанес визит в типографию Эндрю Брэдфорда. Там он обнаружил не только молодого печатника, но и его отца Уильяма, добравшегося сюда из Нью-Йорка верхом на лошади. У Эндрю не нашлось работы для беглеца, поэтому Уильям отвел его к другому печатнику, Сэмюэлу Кеймеру. Франклину следовало быть благодарным своему невероятному таланту очаровывать и привлекать покровителей. Сыграл свою роль и особый сплав содействия и конкуренции, часто встречающийся среди американских торговцев.

Кеймер оказался растрепанным чудаком, собиравшим всяческое оборудование для печати. Он задал Франклину несколько вопросов и вручил ему верстатку, чтобы тот продемонстрировал свои навыки, а после пообещал нанять на работу, как только ее станет больше. Не зная, что Уильям — отец его конкурента, Кеймер не задумываясь рассказал о своих планах прибрать к рукам большую часть дела Эндрю Брэдфорда. Франклин стоял молча, восхищаясь хитростью старшего Брэдфорда. Позже Франклин вспоминал, как после ухода Брэдфорда Кеймер «ужасно удивился, когда я сказал ему, кем был этот старик».

Даже после этого неблагоприятного представления Франклин смог получить работу у Кеймера. В то же время он поселился в доме у младшего Брэдфорда. Когда Кеймер в конце концов настоял, чтобы он нашел жилье на нейтральной территории, Бенджамин по счастливой случайности смог снять комнату у Джона Рида, отца девушки, которую так позабавил его внешний вид в день, когда он выбрался на берег. «Благодаря тому, что моя казна и одежда к этому времени были приведены в порядок, я показался мисс Рид намного значительней, чем в тот день, когда она случайно увидела меня, поедающего булку посреди улицы», — отметил он[5].

Кеймера Франклин считал чудаком, но ему нравилось проводить с ним время. Их объединяла любовь к философской полемике. Франклин довел сократический метод до такого совершенства, что мог выигрывать споры, не противореча оппоненту. Он задавал Кеймеру вопросы, с виду невинные и не касающиеся темы напрямую, но при этом выявлял его логические ошибки. Кеймер, склонный поддерживать эклектичные религиозные убеждения, был так впечатлен, что предложил вместе учредить новое вероисповедание. Кеймер отвечал бы за изобретение догматов, таких как запрет на укорачивание бороды, а Франклин — за их обоснование. Франклин согласился с одним условием: что вегетарианство станет частью вероучения. Эксперимент закончился спустя три месяца, когда Кеймер, бывший настоящим обжорой, поддался искушению и однажды вечером в одиночку съел целого жареного поросенка.

Личное обаяние Франклина привлекало к нему не только покровителей, но и друзей. Славящийся острым умом, обезоруживающим остроумием и обаятельной улыбкой, он стал известным лицом в узком кругу городских предпринимателей. В этот круг входили три молодых клерка — Чарльз Осборн, Джозеф Уотсон и Джеймс Ральф. Ральф, самый литературно образованный в группе, был поэтом, уверенным как в своем таланте, так и в необходимости стать, потакая своим желаниям, великим художником. Критически настроенный Осборн завидовал Ральфу и неизменно умалял его достижения. Во время долгих прогулок у реки четверо друзей читали друг другу свои работы. Однажды Ральф принес на встречу стихотворение, заранее понимая, что Осборн наверняка его раскритикует. Поэтому он попросил Франклина

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

прочитать текст, объявив себя его автором. Осборн, попавшись на крючок, забросал его похвалами. Франклин получил урок о человеческой природе, сослуживший ему хорошую службу (за несколькими исключениями) впоследствии: люди более склонны восхищаться вами, если не завидуют вам[6].

Ненадежный покровитель

Самым судьбоносным покровителем, отнесшимся к Франклину по-дружески, был губернатор Пенсильвании сэр Уильям Кейт. Он действовал из самых лучших побуждений, но оказался безответственным и несдержанным человеком, сующим нос в чужие дела. Они встретились благодаря страстному письму, написанному Франклином своему зятю. Там он объяснял, почему так счастлив оказаться в Филадельфии и почему у него нет ни малейшего желания возвращаться в Бостон или давать знать родителям о своем местонахождении. Родственник показал это письмо губернатору Кейту, удивленному тем, что столь красноречивый текст написан столь молодым человеком. Губернатор понимал, что оба печатника в его провинции никуда не годятся, и решил найти Франклина и поощрить его начинания.

Когда Кейт, одетый в свой пышный наряд, шествовал по улице, направляясь к типографии Кеймера, растрепанный владелец выбежал навстречу, чтобы поприветствовать его. К его большому удивлению, Кейт пожелал встретиться с Франклином, тут же осыпал юношу похвалами и пригласил пообедать вместе в таверне. Кеймер, как позже заметил Франклин, «пялился на меня, вытаращив глаза»[7].

За бокалом хорошей мадеры губернатор предложил помочь Фраклину открыть свое дело. Кейт обещал использовать свое влияние для того, чтобы учредить официальный бизнес в провинции. Обещал он также написать письмо отцу юноши, призывая его оказать финансовую поддержку сыну. Далее Кейт пригласил Франклина на ужин, где продолжал нахваливать и поощрять его. Таким образом, с восторженным письмом от Кейта в руках и мечтами о семейном примирении, за которым должны были последовать слава и богатство, Франклин снова был готов предстать перед своей семьей. Он ступил на борт судна, державшего путь в Бостон, в апреле 1724-го.

С тех пор как он убежал, прошло уже семь месяцев, а его родители даже не знали, жив ли он, поэтому были взволнованы его возвращением и тепло встретили сына. Франклин, однако, еще не усвоил урок о том, какие ловушки расставляет гордыня и возбужденная зависть. Неторопливой походкой он прогулялся до типографии своего брата Джеймса, с гордостью выставляя напоказ «элегантный новый костюм», модные часы и пятифунтовые серебряные монеты, выпирающие из карманов. Джеймс осмотрел его с головы до ног, развернулся на каблуках и без единого слова вернулся к работе.

Франклин не смог удержаться, чтобы не щегольнуть своим новым положением. Пока Джеймс кипятился, он потчевал молодых подмастерьев рассказами о счастливой жизни в Филадельфии. Разложил серебряные монеты на столе, чтобы все восхищались, и дал денег на выпивку. Позже Джеймс сказал матери, что никогда не сможет ни забыть, ни простить этого оскорбления. «В этом, однако, он ошибался», — вспоминал Франклин.

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

Давний враг их семьи Коттон Мэзер оказался восприимчивее и занял более назидательную позицию. Он пригласил молодого Франклина к себе, побеседовал с ним в своей роскошной библиотеке и довел до его сведения, что прощает ему колкости, которые появились с его легкой руки в Courant. Выходя на улицу, они проходили по длинному коридору, и вдруг Мэзер воскликнул: «Пригнитесь! Пригнитесь!» Не поняв предупреждения, Франклин ударился головой о перекладину, низко нависшую над проходом. По своему обыкновению, Мэзер разразился назидательной речью: «Пускай это станет предостережением, чтобы вы помнили: не нужно всегда держать голову так высоко. Следуя своей дорогой в этом мире, — пригнитесь, молодой человек, пригнитесь, и вы избежите множества тяжелых ударов». Как будет позже вспоминать Франклин в диалоге с сыном Мэзера, «этот совет отпечатался в моей памяти и нередко приносил мне пользу. Я часто думаю о нем, когда вижу, как бывает унижено достоинство людей, слишком высоко держащих голову, и сколько неприятностей их ожидает». Хотя урок Мэзера и внес полезное разнообразие в ход эффектного посещения типографии брата, Франклин забыл включить его в автобиографию[8].

Письмо губернатора Кейта и его предложение удивили Джозайю Франклина. После раздумий, которые продлились несколько дней, он решил, что было бы неблагоразумно спонсировать мятежного беглеца, которому едва исполнилось восемнадцать лет. Он, конечно, гордился сыном, понимая, кто именно покровительствует ему. Он гордился также умением Бенджамина очаровывать людей и быть предприимчивым. Но при этом Джозайя знал, что Бенджамин — всего-навсего дерзкий юноша.

Не видя шансов на примирение между двумя братьями, Джозайя благословил Франклина на возвращение в Филадельфию, увещевая его «проявлять уважение к людям… и избегать сочинения пасквилей и клеветы, к чему, как он считал, я был слишком склонен». Если он сможет «проявить предприимчивость и благоразумную бережливость» и накопить денег на открытие собственной типографии к возрасту двадцати одного года, Джозайя обещал финансово помочь с остальными затратами.

Старинный друг Франклина Джон Коллинс, очарованный его рассказами, решил также оставить Бостон. Но когда он оказался в Филадельфии, между двумя подростками произошла ссора. Коллинс, теоретически более способный, чем Франклин, но менее дисциплинированный, очень скоро пристрастился к спиртному. Он занимал у Франклина деньги, и тот начинал злиться. Однажды, когда они с друзьями катались на лодке в Делавэре, Коллинс отказался грести, когда наступила его очередь. Никто из гулявших не хотел заострять на этом внимание, кроме Франклина, который сцепился с другом, ухватил его за промежность и выбросил за борт. Каждый раз, когда Коллинс подплывал к лодке, Франклин и его товарищи отплывали на несколько футов дальше, настаивая, чтобы тот пообещал занять место на веслах. Из-за гордыни и желания противоречить Коллинс так и не согласился, и в конце концов его приняли на борт. После этого случая они с Франклином редко общались. Для Коллинса все закончилось отъездом на Барбадос. При этом он так и не вернул сумму, которую задолжал.

В течение нескольких месяцев Франклину преподнесли уроки четыре человека — Джеймс Ральф, Джеймс Франклин, Коттон Мэзер и Джон Коллинс. Это были уроки о соперничестве и обидах, гордыне и скромности. На протяжении жизни у него

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

изредка появлялись враги (например семья Пеннов), а также ревностные соперники (например Джон Адамс). Но это случалось с ним реже, чем с большинством людей, особенно с теми, кто добился не меньшего, чем он. Разгадка его умения заслуживать больше уважения, нежели недовольства (как минимум когда он был ответственен за порядок) лежала в умении высмеивать самого себя, простой манере держаться и способности миролюбиво вести разговор[9].

Отказ Джозайи Франклина спонсировать типографское предприятие сына не охладил энтузиазма губернатора Кейта. «Раз он не хочет помочь вам устроиться, я сделаю это сам, — торжественно пообещал он. — Я решительно настроен обзавестись хорошим печатником». Он попросил Франклина предоставить ему список необходимого оборудования (тот подсчитал, что общая стоимость составит около ста фунтов), а затем предложил Франклину отправиться на корабле в Лондон, чтобы лично выбрать шрифты и установить деловые контакты. Кейт обещал предоставить аккредитивы для оплаты как оборудования, так и путешествия[10].

Даже безрассудно смелый Франклин был взволнован. На протяжении нескольких месяцев до отъезда он неоднократно ужинал у губернатора. Каждый раз, когда он обращался к нему по поводу аккредитивов, выяснялось, что они еще не подготовлены. Но Франклин не видел причин для волнения.

В это время Франклин ухаживал за Деборой Рид, дочерью своей домовладелицы. Он был сильно увлечен, но при этом к вопросу о женитьбе подходил практически. Дебора была, в общем, обыкновенной девушкой. Но она могла обеспечить ему комфорт и домашний уют. Помимо физической силы, красоты и обаяния Франклин мог предложить многое взамен. Из забрызганного грязью беглеца, которого Дебора впервые увидела слоняющимся по Маркет-стрит, он превратился в многообещающего предпринимателя, в человека, завоевавшего благосклонность губернатора и популярность среди ровесников. Отец Деборы умер незадолго до этого, и мать столкнулась с финансовыми трудностями. Она всерьез думала о перспективе удачного брака для дочери, тем не менее настороженно отнеслась к идее выйти замуж за ухажера, который собирался в Лондон. Она настояла на том, что со свадьбой можно подождать до его возвращения.

Лондон

Прошло чуть больше года с момента прибытия в Филадельфию (ноябрь 1724), и Франклин отправился в плавание. Путь лежал в Лондон. С ним путешествовал честолюбивый молодой поэт Джеймс Ральф, который оставил дома жену и ребенка, — юноша, сменивший Коллинса, не оправдавшего доверия, и занявший место лучшего друга. Франклин все еще не получил аккредитивов от губернатора Кейта, но зато получил заверение, что бумаги пришлют на борт в мешке для депеш.

Сразу же по прибытии в Лондон, в канун Рождества, Франклин узнал правду. Губернатор не предоставил ему ни каких-либо аккредитивов, ни рекомендательных писем. Озадаченный Франклин посоветовался с пассажиром по имени Томас Денхам, выдающимся торговцем-квакером, с которым подружился во время путешествия. Денхам разъяснил Франклину, что Кейт — неисправимый чудак, и «посмеялся над

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

предположением о том, что губернатор мог бы дать мне аккредитивы. По его словам, он сам не располагал никаким кредитом». Для Франклина это стало «озарением» скорее относительно человеческих слабостей, а не зла. «Он хотел всем угодить, — позже скажет Франклин о Кейте, — а поскольку давать ему было почти нечего, он дарил ожидания»[11].

Воспользовавшись советом Денхама, Франклин решил извлечь максимальную пользу из ситуации. Лондон переживал золотой век мира и процветания, что особенно привлекало молодого амбициозного печатника. Среди светил на литературном небосклоне английской столицы в то время сияли имена Свифта, Дефо, Поупа, Ричардсона, Филдинга и Честерфилда.

Вдвоем с мечтательным прожигателем жизни Ральфом Франклин нашел дешевые комнаты и работу в известной типографии Сэмюэла Палмерса. Ральф пытался устроиться актером, а затем журналистом или клерком. Он проиграл на всех фронтах, а деньги в это время брал взаймы у Франклина.

Это было странное и вместе с тем часто встречающееся содружество — между амбициозным и практичным парнем и беспечным романтиком. Франклин прилежно зарабатывал деньги, Ральф заботился о том, чтобы все они тратились на театр и другие развлечения, включая периодически случающиеся «интрижки с женщинами легкого поведения». Ральф очень быстро позабыл о жене и ребенке в Филадельфии, а Франклин, последовав его примеру, пренебрег своей помолвкой с Деборой и написал ей только единожды.

Эта дружба развалилась, что вполне закономерно, из-за женщины. Ральф влюбился в милую, но бедную молоденькую модистку, после чего у него наконец возник стимул найти работу. Он устроился учителем в сельскую школу в Беркшире. Ральф часто писал Франклину, отсылая отдельные части плохой эпической поэмы вместе с просьбами, чтобы друг приглядывал за его девушкой. Тот справлялся даже слишком хорошо. Он давал ей деньги, скрашивал ее одиночество, а затем («не будучи в это время скованным никакими религиозными узами») попытался соблазнить. Ральф вернулся в ярости, разорвал дружеские отношения и объявил, что этот проступок освобождает его от уплаты долгов, которые на самом деле составляли почти двадцать семь фунтов[12].

Позже Франклин пришел к выводу, что потеря денег компенсировалась избавлением от ноши, которую он влачил. Вырисовывается определенная закономерность. Франклин с легкостью общался с гениальными людьми и заводил приятелей, интеллектуальных партнеров, полезных покровителей, кокетливых почитателей. Но опыт Коллинса и Ральфа показал, насколько хуже давалось ему умение поддерживать длительную связь, подразумевавшую личное участие и эмоциональные вложения (даже в собственной семье).

Кальвинизм и деизм

Работая у Палмерса, Франклин помог напечатать тираж «Религия природы» Уильяма Волластона. Это трактат эпохи Просвещения, в котором отстаивалось мнение, что религию нужно рассматривать через призму науки и окружающей среды, а не через

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

призму Божественного откровения. Из-за своей юности и недостатка образования Франклин с пылу с жару решил, будто Волластон в общем прав, хотя ошибался в некоторых частностях. Поэтому он изложил свои собственные размышления на тему в сочинении, написанном в начале 1725 года, назвав его «Трактат о свободе и необходимости, удовольствии и страдании».

Здесь Франклин связал теологические предпосылки с логическими аргументами и в результате сам порядочно запутался во всем этом. Вот пример: Бог «всемудр, всеблаг, всемогущ», — постулировал он. Таким образом, все, что существует и происходит, существует и происходит с Его согласия. «То, на что Он дает согласие, должно быть добром, потому что Он — это добро; таким образом, зла не существует».

Более того, счастье существует только как противоположность несчастью, и без второго человек не может существовать. По этой причине они противостоят друг другу: «Поскольку боль естественным и неизбежным образом влечет за собой удовольствие, равное по силе, каждое живое существо должно на любой стадии жизни в равной мере испытывать эти ощущения». Попутно Франклин развенчал (как минимум для собственного удовольствия) концепцию бессмертия души, свободы воли и основополагающее убеждение кальвинистов о том, что людям предначертано быть или спасенными, или проклятыми. «Человек не может делать то, что не является добром», — заявил он, и все «должны одинаково оцениваться Создателем»[13].

«Трактат» Франклина не относится к философским шедеврам. И вправду, этот текст оказался, как он признавал позже, столь мелким и неубедительным, что стыдно было признавать свое авторство. Он напечатал сотни копий, а затем, назвав это промахом, сжег все, которые смог достать.

Скажем в его защиту, что и более зрелые философы на протяжении веков терялись в попытках разобраться в вопросе о свободе воли, согласовав ее с волей всезнающего Бога. И многие из нас, возможно, помнят — или содрогнутся, вспоминая, — заметки, сделанные на первом курсе в общежитии в возрасте девятнадцати лет. Тем не менее, даже повзрослев, Франклин так и не стал полноценным философом на уровне своих современников Беркли и Хьюма. Как и доктору Джонсону, ему было комфортнее проверять идеи на практике, в ситуациях реальной жизни, чем строить метафизические абстракции или дедуктивные доказательства.

Первостепенная значимость «Трактата» в том, что Франклин обосновал свой порыв порвать с пуританским вероисповеданием. Будучи молодым человеком, он прочитал Джона Локка, Лорда Шафтсбери, Джозефа Аддисона и других деистов, приветствовавших свободомыслие в религии и философии. Доктрина деизма гласила, что каждый человек может открыть для себя Бога, следуя путем разума и изучая природу, вместо того чтобы слепо веровать в затверженные истины и Божественное откровение. Также он читал много консервативных трактатов, авторы которых стояли на защите догм кальвинизма от ереси деизма, но нашел их менее убедительными. Как он писал в своей автобиографии, «доводы деистов, которые приводились с целью их опровергнуть, казались более убедительными, нежели опровержение»[14].

Меж тем он вскоре пришел к заключению, что незамысловатый и благодушный деизм обладает рядом определенных недостатков. Он сделал Коллинса и Ральфа деистами, и они вскоре оставили его без малейших угрызений совести. Так он сообразил,

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

что его собственное вольнодумство стало причиной легкомысленного отношения к Деборе Рид и другим людям. В классическом изречении, которое представляет собой пример прагматичного подхода к религии, Франклин сделал заявление о деизме: «Я начал подозревать, что это учение, возможно, и правильное, но не очень полезное».

Хоть Божественное откровение «не имело значения» для него, он решил, что исповедание веры влияет благотворно на жизнь, так как поощряет хорошее поведение и высокую общественную мораль. Таким образом, он начал приобщаться к деизму, подкрепленному моральными принципами. В соответствии с ним стремление к Богу определялось добрыми делами и помощью другим людям.

Именно это мировоззрение привело его к отказу от многих доктрин, навязанных пуританами и кальвинистами, которые проповедовали, будто спасение можно получить лишь Божьей милостью и нельзя заслужить хорошими поступками. Они верили, что эта способность была утеряна, когда Адам нарушил соглашение с Богом о добре и заменил его другим соглашением — о милости. Соответственно, те, кому предстояло спастись, принадлежали к группе людей, заранее избранных Богом. Для начинающих рационалистов и прагматиков, подобных Франклину, соглашение о милости казалось «невнятным» и даже хуже — «невыгодным»[15].

Планирование нравственного поведения

Через год работы у Палмера Франклин нашел более высокооплачиваемую работу в намного большей типографии, которой владел Джон Уоттс. Там печатники на протяжении всего дня пили пинту за пинтой пива, чтобы подкрепить силы. Склонный к умеренности и экономии, Франклин пытался убедить сотрудников, что лучше подкрепиться, съев миску жидкой каши на горячей воде с хлебом. Тогда его прозвали Водяным Американцем. Коллеги восхищались его силой, ясным умом и способностью давать в долг деньги, когда они растрачивали всю недельную зарплату в пивных.

Несмотря на отказ Франклина употреблять алкоголь, работники типографии Уоттса заставили его сделать вступительный взнос на алкогольные напитки в размере пяти шиллингов. Когда его повысили, переведя из отдела печатников в отдел наборщиков, от него потребовали уплаты еще одного такого взноса, но на этот раз он отказался. В результате к нему относились как к чужаку, что провоцировало мелкие пакости. В конце концов, спустя три недели он уступил и уплатил деньги: «Я убедился, как глупо быть в неладах» с собственными коллегами. Он быстро вернул себе популярность, заработав репутацию остряка, чьи шутки вызывают приязнь.

Будучи одним из наименее застенчивых людей, которых можно себе представить, Франклин в Лондоне был так же общителен, как в Бостоне или в Филадельфии. Он часто посещал круглые столы, которые вели второстепенные литературные однодневки, и искал возможности познакомиться с самыми разными интересными личностями. Среди его самых ранних сохранившихся писем есть одно, которое он послал сэру Гансу Слоуну, секретарю Королевского общества. Франклин писал, что привез

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

из Америки кошелек из асбестовой ткани и интересовался, не хочет ли Слоун купить его. Слоун нанес Франклину визит, привез юношу в свой дом на площадь Блумсбери, чтобы похвастаться своей коллекцией, и купил кошелек за внушительную сумму. Франклин также получил у соседа-книготорговца разрешение брать книги домой на несколько дней.

С самого детства, со времени изобретения лопаток и ласт для быстрого передвижения в воде, Франклин обожал плавать. Он изучил одну из первых книг, посвященных этому вопросу, — «Искусство плавания», написанную в 1696 году французом по имени Мельхиседек Тевено, который популяризировал стиль брасс (кроль стал популярен более чем через столетие). Франклин, как мог, совершенствовал движения над и под водой, «стараясь плыть грациозно и легко, и к тому же с пользой для здоровья».

Среди друзей, которых он обучал плаванию, был его товарищ, молодой печатник по имени Вигейт. Однажды во время прогулки на лодке по Темзе с Вигейтом и другими Франклин решил похвастаться. Он разделся, прыгнул в реку и принялся плавать различными стилями взад-вперед вдоль берега. Кто-то из компании предложил спонсировать школу по плаванию, которой бы руководил Франклин. Вигейт, со своей стороны, «все больше и больше привязывался» к нему и предложил вместе путешествовать по Европе в качестве печатников и учителей. «Мне этого захотелось, — вспоминал Франклин, — но когда я сказал об этом моему хорошему другу мистеру Денхаму, с которым часто проводил час-другой во время отдыха, он отговорил меня, посоветовав думать только о возвращении в Пенсильванию, что он и сам вот-вот собирался сделать»[16].

Денхам, предприниматель из квакеров, которого Франклин встретил по пути в Лондон, планировал открыть универсальный магазин сразу же по возвращении в Филадельфию. Он предложил оплатить Франклину проезд, если тот согласится наняться к нему в магазин за пятьдесят фунтов в год. Это составляло меньше той суммы, которую Бенджамин зарабатывал в Лондоне, но у него появился шанс вернуться в Америку и состояться в качестве торговца: специальность, которая была значительнее профессии печатника. Вместе они отправились в путь в июле 1726 года.

К тому времени Франклин уже обжегся, общаясь с романтиками-прохвостами (Кейт, Коллинс, Ральф), каждый из которых оказался сомнительной личностью. Денхам был натурой цельной. Много лет назад, глубоко увязнув в долгах, он оставил Англию, после чего заработал достаточно денег в Америке и, вернувшись на родину, устроил для своих кредиторов ужин на широкую ногу. Отблагодарив за долготерпение, он попросил их заглянуть под свои тарелки. Там каждый обнаружил ссуженные им деньги плюс процент. Так Франклин понял, что его больше привлекают люди практичные и надежные, а не мечтательные и романтичные.

Чтобы отточить умение быть надежным, Франклин во время своего одиннадцатинедельного путешествия в Филадельфию написал «План будущей жизни». Это был первый опыт изложения личных взглядов и прагматических правил для достижения успеха, и предпринял его человек, озабоченный самосовершенствованием. Он был недоволен «Планом», поскольку так и не смог найти правил идеального поведения: его жизнь все еще оставалась несколько беспорядочной. «Позвольте мне, таким

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

образом, принять определенные решения и совершить определенные действия, в соответствии с которыми я буду в дальнейшем жить как рациональный человек». Родилось четыре правила:

1. Необходимо быть чрезвычайно бережливым на протяжении некоторого времени, до тех пор, пока я не уплачу все свои долги.
2. Стараться в любом случае говорить правду; никому не подавать надежд, которые вряд ли сбудутся, но стремиться быть искренним в каждом своем слове и деле — самое приятное качество в рациональном человеке.
3. Быть предприимчивым в любом деле, за которое я берусь, и не отвлекаться мысленно от дела для выполнения каких-либо безрассудных проектов, обещающих внезапное богатство; трудолюбие и терпение — лучшие инструменты для обретения благосостояния.
4. Я принимаю решение не говорить плохо о человеке, что бы он ни совершил[17].

Правилом 1 он уже владел в совершенстве. Он также с легкостью следовал правилу 3. Что же касается правил 2 и 4, то в дальнейшем он станет прилежно проповедовать их, имея обыкновение устраивать шоу, демонстрируя, как хорошо следует им. Правда, иногда он будет лучше справляться с шоу, а не с исполнением заповедей.

Возвращаясь домой, двадцатилетний Франклин увлекся тем, что стало предметом его научного интереса на протяжении многих лет. Он проводил эксперименты на маленьких крабах, обнаруженных среди морских водорослей; основываясь на расчете лунного затмения, рассчитывал расстояние, на которое они удалились от Лондона, и изучал привычки дельфинов и летучих рыб.

Дневник, который он вел во время путешествия, также свидетельствует о его таланте наблюдателя человеческой природы. Услышав рассказ о бывшем губернаторе острова Уайт, которого все считали святым (однако при этом смотритель его замка считал его мошенником), Франклин пришел к выводу, что святость невозможна, если человек нечестен, как бы хитроумно и тщательно он ни скрывал свою подлинную сущность. «Правдивость и искренность отличаются особым блеском, который невозможно подделать; они как огонь и пламя, которые нельзя нарисовать».

Играя на деньги в шашки с другими путешественниками, Франклин сформулировал «непогрешимое правило»: «Если два человека, равные в суждениях, играют на внушительную сумму, проиграет тот, кто больше любит деньги; жажда успеха в игре сбивает его с толку». Он решил, что это правило относится и к другим сражениям: человек, который слишком чего-то боится, в итоге займет оборонительную позицию и не сможет воспользоваться преимуществами наступления.

Он также развивал теории о жизненно важной необходимости общения, присущей людям, и эти теории относились, в частности, к нему самому. Один из пассажиров был уличен в жульничестве за карточным столом, остальные участники хотели оштрафовать его. Когда тот отказался платить, они решили наказать его еще

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

суровее: изгнать из общества и держать на расстоянии до тех пор, пока он не уступит. В конце концов злодей уплатил штраф, чтобы прервать свою изоляцию. Франклин заключил:

> Человек — социальное существо, и для него, насколько мне известно, наихудшим наказанием станет исключение из общества. Я прочитал множество хороших книг, посвященных теме одиночества, и знаю, что многие частенько хвастаются, делая мудрый вид, что они никогда не бывают менее одинокими, чем в одиночестве. Я признаю, что одиночество — это приятный отдых для людей с напряженной умственной жизнью; но если всех мудрых людей обязали бы оставаться в одиночестве всегда, я думаю, что они вскоре нашли бы свое существование невыносимым.

Одна из основных идей эпохи Просвещения в том, что при общении среди сограждан возникает определенная родственность, основанная на природном инстинкте доброжелательности. И Франклин был представителем данного мировоззрения. Вступительная фраза абзаца «Человек — социальное существо» станет убеждением всей его долгой жизни. Позже во время путешествия им встретилось другое судно. Франклин отметил:

> Действительно, есть что-то необычное во всеобщей приподнятости духа при встрече другого корабля в море, на котором плывет сообщество существ того же вида и в тех же условиях, что и мы сами, как если бы мы долгое время были отделены и отлучены от остального человечества, как это и было. Я увидел так много выражений лиц и едва удержался от того особого смеха, который случается от некоего внутреннего градуса удовольствия.

Однако самое большое счастье он испытал, когда наконец разглядел берега Америки. «Мои глаза, — писал он, — затуманились, переполненные слезами радости». Глубже осознавая значимость общества, обдумывая свои научные интересы и правила практической жизни, Франклин был готов обустраиваться и добиваться успеха в городе, который более, чем Бостон или Лондон, он теперь чувствовал своим настоящим домом[18].

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>